

Кудлай Андрей Анатольевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК: НОВЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ

Современная политическая власть существует в условиях политического рынка, в связи с этим трансформируется субъект-объектное взаимодействие между обществом и властью. Политический рынок диктует потребительское отношение к власти. Потребитель заинтересован в максимизации своей личной выгоды, поэтому развивает альтернативные, параллельные власти "самодельные" институты. В таких условиях политическая власть, чтобы достигнуть контроля над обществом, стремится усилить свою профессиональную составляющую (расширение свободы политических лидеров, усложнение требований к качествам профессиональных политиков), каналы взаимодействия через средства массовой коммуникации, формы политического и экономического сотрудничества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 96-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PROBLEM OF MILITARY AND POLITICAL STABILIZATION IN AFGHANISTAN IN THE FRAMEWORK OF THE REGION STATES' INTERESTS AT THE MODERN STAGE

Kryzhko Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in History
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
jeyson1030@gmail.com

The article examines the problem of the stabilization of the military and political situation in Afghanistan in the framework of the interests of the neighbouring states and the key centers of power. The author analyzes the basic views of the region states and the USA on how to address Afghan instability, identifies possible prospects for solving the problem for the countries of Central and Southern Asia and the Middle East considering their national interests. The paper emphasizes the geopolitical importance and ways to overcome the situation of Afghan "controlled chaos".

Key words and phrases: Afghanistan; Pakistan; The USA; The Russian Federation; The People's Republic of China; India; Central Asia; international relations.

УДК 32.321.342

Политология

Современная политическая власть существует в условиях политического рынка, в связи с этим трансформируется субъект-объектное взаимодействие между обществом и властью. Политический рынок диктует потребительское отношение к власти. Потребитель заинтересован в максимизации своей личной выгоды, поэтому развивает альтернативные, параллельные власти «самодельные» институты. В таких условиях политическая власть, чтобы достигнуть контроля над обществом, стремится усилить свою профессиональную составляющую (расширение свободы политических лидеров, усложнение требований к качествам профессиональных политиков), каналы взаимодействия через средства массовой коммуникации, формы политического и экономического сотрудничества.

Ключевые слова и фразы: политическая власть; политический рынок; политический контроль; инклюзия; субъект-объектное взаимодействие власти и общества; политический консюмеризм; политическое участие.

Кудлай Андрей Анатольевич, к. полит. н.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (филиал) в г. Севастополе
kudlay-879@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК: НОВЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ

Актуальность темы обусловлена глобальными тенденциями в трансформации власти и способов политического участия в ней. Руководствуясь теорией общественного выбора, отношения между субъектами и объектами во власти приобрели ярко окрашенную субъективную природу. Максимизация личной выгоды и властвующего, и подчиненного сделала политику и властные отношения свободными от моральных принципов, упростив тем самым способы взаимодействия между участниками политического процесса.

Еще французский социальный философ XX века М. Фуко, проанализировав природу современной власти, пришел к выводу, что она функционирует непрерывно, она капиллярна, циркулирует по всему социальному телу. Такая власть построена на власти / знании, использует принуждение, чтобы получить знание, и знание для принуждения объекта власти, микротактиках и микростратегиях доминирования, она построена на расширенное воспроизводство. Фуко в своем описании устанавливает, что современная власть носит «производящий», а не отрицающий характер [9].

Следуя генеалогической концепции М. Фуко, современная власть военное насилие, силу заменяет более мягкими формами непрерывного взгляда, создавая эффект «паноптического надзора», «власти везде», при котором объект власти находится под однонаправленным взглядом субъекта, и первый, чувствуя над собой постоянный контроль, надзирает сам за собой.

Отличительная черта такой власти – ее незаметность, она дешевле и эффективнее. Разрозненные микро-техники генерируются в ней в глобальные макростратегии. Капиллярный уровень означает постоянное циркулирование власти на различных микропрактиках повседневности, затрагивая индивидов через различные формы социальной практики.

Биовласть объективирует те области, которые ранее не входили в поле зрения власти (здоровье, население, городскую жизнь, сексуальность), делая их своими ресурсами. В эпоху геномных технологий одним из основных объектов такой новой природы становится геном человека, точнее, влияние социума на генетическую (биологическую) природу человека [10].

В современных условиях меняются функциональные характеристики власти, особенно это видно на примере государственной власти в условиях демократического режима, в рамках которого происходит переход

от принципа разделения властей к резкому усилению одной из них – исполнительной; от идеи правового государства к идее эффективного государства с перспективой трансформации демократии представительной в «демократию аудиторную» [1, с. 31].

Как отмечает профессор А. И. Соловьев, современная власть по своей природе остается многоуровневой, но полицентричной в своей организации, «предполагая автономные действия административных и неформальных, публичных и латентных резервов влияния» [8, с. 128]. Эту особенность природы современной власти отмечал М. Фуко, доказывая, что современная власть имеет «капиллярный» характер: в социальных практиках повседневности она достигает нижней оконечности социального тела. Современная власть – это политика повседневности, конкретизируется в повседневных социальных практиках, это власть повсюду [9].

Инклюзия современной власти в ранее не задействованные властью сферы жизни общества, демонстрирует, по мнению С. Н. Пшизовой, «другие средства», среди которых много достаточно простых, понятных, повседневных действий, не требующих специальных организационных усилий. Местом выражения и продвижения политических интересов во власти все чаще становится и потребительский рынок. Мотивировано такое поведение убеждением в эффективности использования рыночных методов влияния на различных политических субъектах и скепсисом в отношении традиционных институциональных и формализованных способов активности [7]. Такой площадкой, подтверждающей право на власть рыночными, потребительскими характеристиками, стали выборы. На их примере можно проиллюстрировать потребительские отношения граждан к политике и власти.

В отношении к власти Е. М. Николаева, О. Я. Ившина отмечают, конструктивный и деструктивный политический консюмеризм. Однако при совершении политического действия свобода избирателя ограничена. Избиратель по-прежнему опирается на ранее внедренные в сознание при помощи СМИ, установки, образы символы. Посредником между властью и избирателем, констатируют авторы, остаются СМК [4]. Если ранее, активность участника политического процесса снизу, подкреплялась какими-либо институтами (например, государством, СМК), то с внедрением в политическую практику интернет-каналов, появились новые формы и практики, отличающиеся от предыдущих своей организационной природой.

С. Н. Пшизова еще в конце 2000-х гг. отмечала эту тенденцию вовлечения объектов власти в новые, неформальные практики, связанные со сменой политической активности и развитие конвенциональных форм политического участия. Все эти формы политического участия во власти отличает отсутствие стабильной организации, индивидуальный характер действий и сетевые способы мобилизации. Именно в силу своих особенностей они с трудом поддаются оценке [7].

Рядом с государством – важнейшим контрагентом гражданского общества – появились другие структуры, например, интернет-сообщества, составляющие ему серьезную конкуренцию в плане способности влиять на социальные процессы. Сегодня решение многих проблем, волнующих людей, находится за пределами компетенции национальных законодательных или исполнительных органов, хотя именно на них главным образом и была настроена прежняя система представительства интересов и традиционных каналов влияния.

Во-первых, усиливается профессионализация традиционной политической деятельности, и она превращается почти исключительно в карьерное предприятие политиков и политтехнологов.

Большинство людей не вовлечены в политические события, а их представления о событиях формируются виртуальными средствами. Нюансы медийной интерпретации влияют на формирование знаний об этих событиях [6, с. 56]. Поэтому, по мнению Г. В. Пушкаревой, реальны не сами события, а их интерпретация (образы, обобщенные образы и сценарии).

Во-вторых, граждане все чаще культивируют новые формы политической самодеятельности, причем она направляется не просто в обход привычных каналов, но вообще в совершенно ином направлении [7]. К таким формам можно отнести сетевое взаимодействие (блоги, социальные сети и другое общение посредством Интернета), которое позволяет объединить граждан по интересам, высказать отличную от официальных каналов точку зрения, зафиксировать на видео то или иное событие и прокомментировать его, мобилизовать через социальные сети на какую-либо акцию против или в поддержку власти.

Проявления этой тенденции в развитии современного политического участия во власти в России, отмечают В. В. и Р. В. Петуховы – «демократия участия на фоне сужения пространства публичной политики» [5, с. 37] и изменение качества участия, «актуализацию неполитического гражданского активизма» [Там же, с. 34]. Сегодня вторая волна неформальности выступает триггером (*термин автора статьи – А. К.*) множества общественных инициатив, кузницей кадров неизбежной в ближайшее время ротации общественной и политической элит России [Там же, с. 35].

С помощью таких форм активности, как политический консюмеризм новое поколение «критически настроенных граждан» чаще выражает свое отношение не к политике национальных правительств, а к субъектам, действующим на потребительском рынке и в сфере производства, и критикует практики, имеющие глобальное распространение и влияние, прежде всего, в сфере труда и производственных отношений [7]. Чертами такого участия в активной молодежной среде являются: «участие без представительства», идеологическая гетерогенность, роль социальных сетей, «аспирация» глобального среднего класса, который занимает все большее положение не благодаря государству, а благодаря обществу [2].

Изменение природы современной власти связано с изменениями и других явлений политической жизни, институтов политической системы. В представлениях рядовых граждан, особенно в странах Востока и на постсоветском пространстве, усиливается позиция тех, кто видит сильную и эффективную власть в ее умении создавать ощущение потенциальной независимости, путем укрепления государственного сектора экономики и развития, совместных с государством, форм частного партнерства. Этот факт, отмечает профессор

Д. В. Мосяков, который утверждал, что феномен успешности многих государств Востока зависел от того, что национальная экономика этих стран развивалась не столько как частная, сколько как смешанная, где решающее слово оставалось за государством. Именно такая экономическая модель существует в Китае, Южной Корее, Индии, Турции, Сингапуре [3, с. 32]. В таких условиях эффективность власти подкрепляется авторитетным политическим лидером, способным закрепить ценностный фундамент общества. Профессор Е. Б. Шестопап, отмечая изменения в образе В. В. Путина в сознании россиян на протяжении 15 лет наблюдений, утверждает, что именно эти черты образа политика способствуют повышению эффективности его влияния на российское общество и сохранению существующего правящего режима [11]. Профессор В. А. Ачкасов констатирует, что из-за снижения массовости, индивидуализации политического участия, падения эффективности парламентского контроля, растущей роли СМИ и групповых интересов, расширилось «пространство свободы» политических лидеров [1, с. 32].

Таким образом, изменения во взаимодействии субъектов и объектов политической власти привели ее к необходимости менять формы и приемы, средства. Становясь все более профессиональной, она стремится ориентироваться на те средства, которые позволят достигнуть большей эффективности и результативности.

Рыночные, по сути, приемы взаимодействия власти с обществом, способствовали актуализации таких приемов взаимодействия власти с обществом, которые бы приносили больший эффект. В частности в экономической сфере более востребованной формой сотрудничества стало государственно-частное партнерство, в политической сфере – это более плотное сотрудничество государства с гражданским обществом, посредством новых информационных каналов и форм взаимодействия. Политическая власть стремится полнее вовлечь в свою сферу различных контрагентов «самодеятельности» населения (лидеров общественного мнения, влиятельных блоггеров, некоммерческие организации, какие-либо малые группы, объединенные общей задачей) с целью минимизации критической массы и создания благоприятного имиджа. Такие меры создают нужный эффект для власти и тем самым будут способствовать сохранению политической стабильности и консенсуса. Данная тенденция коррелируется с требованиями реформирования российской политической системы, в направлении поиска новых механизмов и приемов контроля политической властью ключевых сфер общественной деятельности, активного включения в политическую практику успешных рыночных приемов взаимодействия субъектов, которые ранее были мало задействованы участниками политического процесса.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // ПОЛИС. 2015. № 1. С. 30-37.
2. Крастев И. О политике протестов в эпоху глобализации: уход, шум, нелояльность [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2015/05/06/krastev/> (дата обращения: 04.02.2016).
3. Мосяков Д. В. Страны Востока и кризис современной модели глобализации // ПОЛИС. 2015. № 6. С. 29-34.
4. Николаева Е. М., Ившина О. Я. Политический консюмеризм или пустая объективация [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-konsyumerizm-ili-pustaya-obektivatsiya> (дата обращения: 29.01.2016).
5. Петухов В. В., Петухов Р. В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // ПОЛИС. 2015. № 5. С. 25-48.
6. Пушкарева Г. В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // ПОЛИС. 2015. № 1. С. 55-70.
7. Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консюмеризм в сравнительной перспективе. Часть I [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pshizova_2009_1.pdf (дата обращения: 29.01.2016).
8. Соловьев А. И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // ПОЛИС. 2015. № 3. С. 127-146.
9. Фрейзер Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 2 (88). URL: <http://nlobooks.ru/node/3422> (дата обращения: 29.01.2016).
10. Чешко В. Ф., Володажская Л. Ф. Биовласть. Глобальные и региональные социополитические проблемы генетических технологий в «обществе риска» [Электронный ресурс]. URL: <http://dSPACE.pnpu.edu.ua/bitstream/123456789/3012/1/Heshko.pdf> (дата обращения: 29.01.2016).
11. Шестопап Е. Б. Восприятие В. В. Путина российскими гражданами // ПОЛИС. 2015. № 6. С. 68-80.

POLITICAL POWER AND POLITICAL MARKET: NEW FORMS OF PARTICIPATION

Kudlai Andrei Anatol'evich, Ph. D. in Political Sciences
Lomonosov Moscow State University (Branch) in Sevastopol
kudlay-879@yandex.ru

Modern political power exists in the conditions of political market, thereby subject-object interaction between society and authorities is transformed. Political market dictates consumer's attitude towards power. The consumer is interested in maximizing his/her personal profit, that's why he/she develops an alternative parallel to power "amateur" institutions. Under such conditions political power in order to achieve control over society seeks to strengthen its professional component (the expansion of the freedom of political leaders, the increasing complexity of requirements to the qualities of professional politicians), the channels of communication through mass media, the forms of political and economic cooperation.

Key words and phrases: political power; political market; political control; inclusion; subject-object interaction between authorities and society; political consumerism; political participation.